

М. Арпентьева,
д.псих.н., профессор кафедры психологии развития и образования,
руководитель лаборатории психолого-педагогического сопровождения семьи и детства
Центра социально-гуманитарных исследований,
Калужского государственного университета им. К. Циолковского
e-mail: mariam_rav@mail.ru

ПРОБЛЕМА НАСИЛИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

Современная школа в цивилизованных странах, как кажется, задалась целью разрушить себя и своих субъектов (учителей и учеников) как можно больше: от повседневного школярства к повседневной же коррупции и имитации учения и обучения, ученики и учителя перешли к буллингу и stalkingу, преследованию «неудобных» и «слабых звеньев», позволяющему им, в условиях разваливающейся системы обучения и воспитания, переживать, хотя бы кратко, состояния превосходства и аутентичности. Однако, массовость насилия говорит о том, что такое переживание удовлетворяет нужду в понимании и принятии себя и мира ненадолго и слабо: спираль насилия все раскручивается, формы насилия становятся все более примитивно-архаичными, демонстрируя врожденные, биологические инстинкты выживания и размножения, полностью вытеснившие человеческое, нравственное и осознанное отношение к миру. Как известно, проблемой архаичных обществ была кровная месть, когда запущенный один раз механизм насилия начинал работать безостановочно, требуя все новых убийств, заканчивающихся истреблением обеих сторон конфликта. Чтобы остановить насилие созданы меры, которые иногда кажутся нелогичными: появление права, судебной системы стало этапом вразвитии узаконенного насилия и концепция вины стала важнее более древней концепцией мести. Эта традиция продолжает существовать и в так называемых демократических сообществах. Корни этой традиции - в попытках создания и поддержания человеком упорядоченного мира, который демонстрирует иллюзорность порядка всякий раз, когда человек сталкивается с ним. Пытаясь «вернуть на место» собственную уверенность в порядке и контроле порядка, человек вынужден приносить жертву. При этом, поскольку порядок не есть естественное и необходимое для жизни, жертва - не должна быть заслужившей и причастной, она не должна быть виновной: в этом состоит парадокс, на котором зиждется порядок. «Неупорядоченность» жертвы, ее невинность непричастность, позволяет восстанавливать никому не нужный порядок. Этот парадокс, естественным образом, со временем так или иначе разрушает любой созданный на его основе или за его счёт «порядок». Однако, боясь стихии и свободы, человек с упорством выбирает все новые жертвы, и, когда созданное им все же рушится, создает новый порядок, опираясь на новые (типы и формы) жертв и жертвоприношений, в итоге жертвуя – уничтожая – самого себя. В какой то момент человек понимает, что если сознательно принести в жертву того, кто не виноват, можно прекратить или ослабить насилие отмщающее, разорвать порочный круг взаимного насилия. Концепция мести и отношений подавления, важнее концепции вины и отношений справедливости. Главное – отмщение и жертва, а не справедливость и ответственность. Поэтому насилие поэтому всегда остается неузнанным. «...мы продолжаем не понимать воздействие, оказываемое насилием на человеческие общества. Поэтому мы и не согласны признать тождество насилия и священного». Поэтому, опираясь на гуманизм и его ценности, люди получают «побочные эффекты» в виде фашизма и тоталитарных режимов. Жажда насилия, ищущая, куда излиться, неминуемо должна найти объект, иначе произойдет «непоправимое»: насилие паразит своего носителя - человека или общество, потом наступит хаос, называемый Р. Жираром «жертвенным кризисом», когда нужно искать новые механизмы

защиты и совладания или идти к внутреннему порядку, отказавшись от внешнего. Однако, как не бывает последней жертвы, так и не бывает справедливых войн, не бывает и победителей в схватке агрессий. Р. Жирар пишет о важнейшей и сложнейшей проблеме жертвы как о проблеме «козла отпущения»: в разной мере добровольной жертвы в пользу другого человека или людей, отношений с ним(и) и общества в целом. Предшественниками Р. Жирара в области теории культуры и жертвоприношений в роли культуры были Ф. Ницше и З. Фрейд, Ф. М. Достоевский и В. И. Иванов [1; 2; 3; 4]. Работы Р. Жирара обращены на осмысление одной из ведущих проблем человеческого общества — отношений между насилием и порядком: на всякий удар нужно ожидать сдачи, поскольку насилие всегда порождает кровавый круг - мести за сделанное или не сделанное [5; 6]. Отмщение выступает как один из процессов межличностного и межгруппового обмена. Оно работает таким образом, что по мере разворачивания круга насилия, экстенсивность и интенсивность насилия возрастают. Месть есть, по сути, расширенная репродукция насилия, в том числе, и продуцирование вынужденных жертв. Она идет от/против мира и коренным образом отличается от репродукции любви: она не содержит идеи развития, но продолжает развиваться, проходя все более интенсивную эскалацию, эскалацию гордыни, ревности и неблагодарности. Напротив, «репродукция» любви и мира (смирения) всегда требует дополнительных усилий, чтобы развиваться. Она создает дары вместо жертв и саму жертву превращает в добровольный дар благодарности, умеряющий ревность и гордыню. Поэтому насилие ядовито и «заразно», оно уничтожает человека и общество, уничтожает культуру, выступающую, со своими запретами и предписаниями-разрешениями одним из осевых феноменов защиты (профилактики - невхода и коррекции – выхода) от порочного круга насилия. Культура насилия – одна из частей этого механизма, которая действует аналогично «вакцине», защищающей от болезни применением содержащегося в инфекции яда в малых дозах. Культура помогает обществу и человеку справляться с ростом насилия с помощью комплекса мер, ограничивающих насилие и трансформирующих формы его проявления. Высший, пиковый, уровень культуры насилия - жизнь Христа, ставшего добровольной жертвой. Универсальным механизмом самозащиты общества от беспредела насилия является сосредоточение на жертве: создании «идентифицированного пациента» (пациентов) – девиантных групп, подлежащих уничтожению или трансформации и/или самом «жертвоприношении» как искупления путем малого насилия над жертвой, искупающей большое насилие общества над самим собой. Общество и культура выбрали путь упорядочения: вместо того, чтобы обличить насилие как суть общественных институтов, обладающих повсеместностью и хаотичностью, общество создает каналы и формы допустимого насилия, которое превращается в предсказуемый, локальный и упорядоченный ритуал. Общество фиксируется на насилии, пытаясь «выкинуть» его из себя как болезнь: с помощью другого насилия, которое общество не признает и/или не хочет признавать таковым. В жертву приносятся те, кто отличается, разрушает порядок, то есть сложившиеся ритуалы, культуру насилия: от изгоев до правителей, от сильнейших до слабейших, от умнейших до глупейших, от жесточайших до смиреннейших и т.д. [5]. Козел отпущения («жертва отпущения») ни в чем не виноват, он просто - крайний. Более того, он и не должен быть виноват, искупительная жертва заведомо невинна или выбрана случайным образом. Правда может оказаться губительной, ибо если нет ответа в священном, то тогда по Ф. Достоевскому «все дозволено», тогда – как это происходит сейчас, - насилие становится безграничным. Прозревшему не вернуть спасительного козла, распинаемого на кресте Бога, оно останется один на один с зеркалом... Насилие принадлежит сфере изначального и является базой для развития сакрального. Любая религия – это история взаимоотношения людей с их насилием, результатами страхов и оторванности о себя самих – своего внутреннего порядка. Это насилие и держащий за ним страх так невыносимы, что людям приходится изгонять его в трансцендентность, поддерживая строго регламентированными ритуалами: «Людям удается избавляться от

своего насилия постольку, поскольку процесс избавления предстает им не как их собственное действие, а как абсолютный императив, приказ бога, требования которого настолько же страшны, насколько мелочны».

Р. Жирар рассматривает это на примере «законных врагов»: для большинства цивилизованных сообществ и индивидов опыт коллективного насилия (травли, буллинга, stalking) над жертвой почти невосполним: «повелители мух» заканчивают карьеру насилия в детстве и юности; однако, у взрослых людей насилие выходит за пределы личного опыта, хотя оно не только не исчезает, но и происходит от имени данной личности или группы, влияющей не только на «свое», но и на «чужое», регулирующее «свое» за счет «чужого» [5; 6]. Жизненные истории, написанные от лица «палача» (специалиста, члена семьи) или с точки зрения жертвы (пациента, «семейного урод»), отличаются по своей структуре и содержанию. Насколько трудно преодолеть эту позицию иллюстрирует весь опыт педагогики, андрагогики и геронтологической, а также опыт психотерапии и консультирования: системно-стратегический, процессуально-антипсихологический, экзистенциально-религиозный и иные подходы в психотерапии и образовании приоткрывают завесу лжи над феноменом, однако, они же показывают, насколько трудно его преодолеть: отказ жертвы играть роль козла отпущения и/или отказ специалиста работать с жертвой как с «козлом» не решают проблему, но перемещают ее. Рабочий альянс - предполагает выбор между клиентом и обществом, не всегда решаемый в пользу клиента. Даже Евангелия, жития мучеников, воспоминания о Холокосте или ГУЛАГе написаны еще авторами или свидетелями насилия, а опыт насилия в экспериментах, подобных опыту Ф. Зимбардо и Ст. Милгрема, до сих пор не осмыслен и во многом закрыт от наблюдателей именно в части опыта жертв насилия [7; 8]. Интересно при этом, что жертва не только должна быть объектом ненависти; но, в некоторых случаях, и объектом поклонения: благодарность возвышает жертву, превращая ее в священную: и убитый козел как символ Диониса, Хаоса и свободы, саморазвращающегося и самоутверждающегося бытия, преобразуется в агнца как символа Христа, высшей упорядоченности и развращающегося и утверждающего «планы Бога» [5].

Истории сакрализации жертвы, осознанные и явные, однако, более редки, хотя и важны, традиционные гонения и буллинг, убийства и преднамеренная травля (stalking), которые совершаются тайно и неосознанно, «в тишине и беспомыслии». Религия «защищает» общество от развития и «высшего» порядка благодаря последовательным заменам: всеобщего насилия как хаоса - на жертвенное, человеческой жертвы - на животную или вещественную; реального жертвоприношения - на символическое [5]. Она выкидывает из реальности «высший порядок»: страх беспорядка как результата «охлаждения любви» преследует цивилизацию изначально. Создатели и трансляторы религий часто замещают «учредительную жертву» воспоминаниями о ней, эти воспоминания не требуют отпущения. Однако, когда это невозможно: «жертва» не собирается умирать и утверждать религию, ради которой ее уничтожают, случаются истории убийств, подобных историям Христа и многих других Святых. Когда механизм замены теряет эффективность, общество, благодаря усилиям ревнителей, не дошедшее даже до идеи «высшего порядка» в самом себе, обращается к самоуничтожению. Последнее как игрушка, вдохновляет его до момента нового испуга и раскаяния, после которого вновь возникает жертвоприношение. Поэтому история включает постоянные циклы: насилия - вины - искупления / мести. В современном мире месть заменяется судом: истина правом. Однако, государство не может монополизировать все насилие, потому оно более тщательно «монополизирует» месть. Вместе с обществом оно и творит месть и избегает ее: 1) суд все больше возвышается над обществом и государством, становясь самим государством и поглощая общество, 2) государство и суд защищают и чествуют своих палачей, делая их недоступными мести. Однако, дефицит легитимности все увеличивается и круг насилия также. Самосуды и имитации судов в школе давно стали

нормой: сам феномен оценки используется для того, чтобы осудить, а также - чтобы организовать преследование, травлю (буллинг и stalking) ученика или даже учителя.

В современном виде насилие в форме буллинга и stalking приобрело огромный размах. Буллинг – это не единичная реакция в определенной ситуации, а стойкие неэффективные паттерны поведения, которые вносят серьезные ограничения в развитие человека и общества. Более того, необходимо привлечь особое внимание к агрессорам и жертвам буллинга: вместо замалчивания и утаивания, необходимо активизировать обучение и профилактику, коррекцию и развитие. Буллинг – явление системное и комплексное. К изучению и профилактике этого явления должны подключиться педагоги, экологи, которые в опоре на жизненные ресурсы личности смогут направить ее как жертву на путь уверенности и спокойствия. Выход из замкнутого круга насилия – диалог, признание буллингом вины и прощение его жертвой, анализ внутренней, а не только внешней структуры насилия. Агрессия, рожденная нарушенной, чрезмерной и болезненно отвергаемой привязанностью к миру и людям, рождает буллинг или травлю. Суть травли-stalking, сам же stalking обнажает лежащую в своей основе привязанность к миру и к человеку (зависимость от них, деформации «объектных», близких отношений, желание «быть хорошим», точнее, «лучшим», гарантировать себе и близким комфорт полного удовлетворения и выживание) – чтобы хоть как – то заполнить эту «черную дыру». Привязанность к желаниям (комфарту, контролю, власти) всегда ведет к дальнейшим деформациям отношений. Stalking – одно из крайних проявлений синдрома или феномена Люцифера (описанного в работах Ст. Милграма и Ф. Д. Зимбардо): духовное состояние, когда «черная дыра» в человеке столь глубока, что ее не могут заполнить ни власть, ни деньги [7; 8; 9; 10]. Единственное «благо» stalkера – он сам: вернуться к Богу и признать кого-то выше себя он не в состоянии. Суть «эффекта Люцифера» - алчность как желание уподобить себе или поглотить все «другое», не похожее на него, попытки использовать мир и другого человека как вещь ради удовлетворения собственных желаний. Это противоположность служению: в нем человек воспринимает себя как часть круга любви, в котором каждый отдельный человек ценен сам по себе, а также в отношениях с другими. Традиционные представления (распространенные среди тех, кто принадлежат к культуре, придающей особое значение индивидуализму) побуждают искать мотивы патологии или героизма внутри личности [7]. Люди склонны, прежде всего, искать причины негативных событий в «патологии» отдельного человека. Пытаясь понять причины поведения других людей, они обычно склонны переоценивать важность личных качеств и недооценивать важность ситуационных факторов. Однако, хотя обычно кажется, что личность всегда неизменна во времени и пространстве, однако, даже в одиночестве люди меняют поведение, а в группе всегда ведут себя иначе, чем вне нее. Школа – один из механизмов стандартизации развития личности, и, помимо продуктивных, выполняет функции деструктивные, функции насильственного упорядочивания и стратификации детей, подростков, юношей. В этом качестве школа учит насилию не меньше, а даже больше, чем способствует его профилактике и коррекции. Пытаясь упорядочить то, что изначально не было таковым, школа игнорирует особенности детей, а, значит, мешает ребенку понять самого себя и мир, навязывая заказываемые социумом и государством штампы, формируя суженную палитру способов поведения и осмысления себя и мира. Дети-жертвы в такой школе – неизбежность. Напротив, там, где школа обращена к индивидуальности и ее гармонии с обществом, школа помогает найти себя и способы самореализации в обществе. Однако, такие школы редки, поэтому проблема «козлов отпущения», насилия в школах, в семье и на работе, становится все более острой и массовой.

Список использованных источников

1. Иванов В.И. *Родное и вселенское*. М.: Республика, 1994. 435 с.
2. Ницше Ф. *Так говорил Заратустра*. М.: Прогресс, 1994. 512с.

3. Фрейд З. Влечения и их судьбы // Фрейд З. Психология бессознательного. М.: ООО "Фирма-СТД", 2006. 448 с.
4. Шестов Л.И. Достоевский и Ницше (философия трагедии). // Достоевский в конце XX века / Сост. и ред. К. Степанян М.: Классика плюс, 1996 – 621 с.
5. Жирар Р. Козел отпущения / Предисл. А. Эткнда. Санкт-Петербург, Изд-во И.Лимбаха, 2010. – 336с.
6. Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 400 с.
7. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 740с.
8. Milgram St. Behavioral Study of Obedience // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1963. № 67. С. 376.
9. Mulle P.E., Pathé M., Purcell R. The management of stalkers Advances in Psychiatric Treatment. 2001. Vol. P. 335–342.